

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

# Хрущёв, Лаврентьев и реформирование Академии наук

Начавшаяся реализация правительственного проекта реформирования РАН активизировала интерес не только к современному состоянию Академии, но и к истории этого сообщества.

В ходе развернувшихся острых дискуссий о её судьбе высказываются различные, нередко полярно противоположные оценки. Сторонники радикальной трансформации РАН говорят о её неререформируемости, неэффективности, бюрократизме и консерватизме, которые, в таком понимании, возникли не сегодня, а были присущи этой структуре и в предшествующие годы. В свою очередь, противники данной реформы подчеркивают позитивные стороны Академии и её заслуги в решении стоявших перед страной экономических и оборонных задач. В такой трактовке острые проблемы отечественной науки объясняются прежде всего недостаточной государственной поддержкой, а не внутренним состоянием академического сообщества. Соответственно, в целом РАН оценивается в качестве эффективной структуры, требующей, в сущности, лишь «косметического ремонта».

Рассматривая нынешние судьбоносные события в долговременном историческом контексте, следует прежде всего подчеркнуть, что нынешняя реформа Академии наук не является её первым радикальным преобразованием. Как представляется, это третья фундаментальная трансформация, и с этой точки сопоставление трёх реформ весьма полезно.

В качестве самой радикальной реформы за всю историю отечественной науки следует оценить комплекс сталинских решений начала 1930-х гг., в результате которых, собственно говоря, Академия и приобрела свой специфический облик, в значительной мере сохранившийся до настоящего времени. Именно тогда она была превращена из элитарного клуба, подобного академиям других стран, в гигантское «суперведомство науки».

Вторая радикальная трансформация уже в рамках этой сложившейся системы была проведена Н.С. Хрущёвым. Обращение к хрущёвским реформам особенно поучительно, поскольку и по замыслу, и по реализации они в немалой степени напоминают современную ситуацию.

Напомним, что во второй половине 1950-х гг. Н.С. Хрущёв всё более агрессивно обрушивался с нападками на АН СССР, обвиняя её в том, что она ослабла «связь с жизнью», стала «трудноуправляемой». В июне 1959 г. на встрече с президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым Хрущёв поставил вопрос о разделе Академии на несколько структур.

Обычно такого рода политику объясняют тем, что наш тогдашний «вождь» был озабочен замедлением в СССР научно-технического прогресса и винил в этом прежде всего консерватизм научной системы. К этому, как представляется, следует добавить ещё один важный мотив, памятуя особую роль АН СССР не только в руководстве наукой, но и в структуре власти. Ведь в то время Академия обладала огромным авторитетом и оказывала немалое влияние на принятие государственных решений. Более того, после разгрома в июне 1957 г. «антипартийной группы», когда в руках Н.С. Хрущёва сосредоточилась, в сущности, необъятная власть, Академия наук иной раз выступала в роли единственного оппонента высшей власти. Наиболее яркий пример такого рода — демарш ведущих учёных в защиту генетики. Возможно, эта своеобразная оппозиция научного сообщества усилила негативизм Н.С. Хрущёва по отношению к Академии.

Как бы то ни было, в апреле 1961 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». В соответствии с ним из Академии выводились институты технического профиля, в результате чего она лишилась половины своих научных учреждений и трети сотрудников.

Со стороны научного сообщества на эти решения не последовало решительных возражений — не только в силу сервиллизма, но и ввиду того, что объявленная реформа рассматривалась как «наименьшее зло». Дело в том, что высшее руководство продолжало вынашивать планы «упразднения Академии», поэтому её лидеры, идя на частичные уступки, пытались вывести Академию из-под удара.

Об остроте ситуации свидетельствовали события апреля 1961 г., когда в разговоре с президентом АН СССР академиком А.Н. Не-



смеяновым Н.С. Хрущёв заявил, что Академию наук вообще нужно закрыть. На что Александр Николаевич Несмеянов ответил: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы её закроете». После этого ему пришлось уйти в отставку, Академию наук возглавил М. В. Келдыш.

В июле 1964 г. за несколько месяцев до своего смещения Н.С. Хрущёв заявил на Пленуме ЦК КПСС: «Мы разгоним с чёртовой матери Академию наук». К счастью, сделать это он не успел, но инициированные им реорганизация науки имела негативные последствия. Она привела к снижению теоретического уровня по ряду важнейших направлений научно-технического прогресса и в конечном счёте отрицательно сказалась на его темпах.

Какова же была позиция Сибирского отделения АН и его председателя академика М.А. Лаврентьева по отношению к этим пертурбациям? Очевидно, что она не могла быть однозначной. Разумеется, основатель СО АН прекрасно осознавал основные стороны существовавшей системы организации науки. Собственно, сама идея создания научного центра в далёкой Сибири в какой-то мере явилась «жестом отчаяния», «попыткой к бегству» от московской академической бюрократии. Вплоть до конца хрущёвского правления М.А. Лаврентьев неоднократно выступал с различными предложениями о радикальном реформировании научно-образовательной системы.

Разумеется, при этом речи не велось об «уничтожении» или радикальном ослаблении Академии наук, — предлагалось совершенствование существующей системы. Характеризуя мотивы и намерения «отца-основателя» Сибирского отделения, помимо прочего,

но и имела большое политическое значение. Напомним, что в то время самая большая республика СССР не имела важнейших управленческих структур, в т.ч. республиканской организации КПСС и Академии наук. Характерно, что примерно в те же годы были созданы бюро ЦК КПСС по РСФСР, а также Союз писателей республики.

При подготовке соответствующих партийно-государственных решений было признано более целесообразным создание нового научного центра в Сибири? Сибирского отделения АН СССР, однако при этом идея о более высоком статусе научного центра в Сибири не отвергалась. Это нашло отражение на совещании, проведенном по поручению Бюро ЦК КПСС по РСФСР под председательством секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова в мае 1957 г. Совещание стало важнейшим рубежом в процессе подготовки партийно-государственных решений о создании СО АН.

Открытый совещание П.Н. Поспелов подчеркнул: «Как будет оформляться этот мощный научный центр в Сибири? Большинство товарищей склоняется к такому мнению, что сейчас, на ближайший год или несколько лет, этот центр оформить как Сибирское отделение Академии наук СССР, имея в виду в будущем его разветвление или в Сибирскую академию наук СССР или в Академию наук РСФСР».

13 мая 1957 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР», пункт первый которого гласил: «Одобрить предложение академиком Лаврентьева и Христиановича о создании в Сибири мощного научного центра с перспективой развития его в самостоятельную Академию наук».

Названное постановление было рассмотрено на заседании секретариата ЦК КПСС 16 мая 1957 г. Оно было принято с поправкой М.А. Суслова: из пункта первого было вычеркнуто «с перспективой развития его в самостоятельную Академию наук». Таким образом, вопрос о статусе научного центра в Сибири, видимо, имел определённый политический оттенок, принимая во внимание, что М.А. Суслов являлся в то время «главным сталинистом» и скрытым противником Н.С. Хрущёва.

Не менее знаменательно, что сам Н.С. Хрущёв уже после принятия соответствующих партийно-государственных решений о создании СО АН не отказывался от придания этому научному центру более высокого статуса. Так, во время своего первого визита в Новосибирск в октябре 1959 г. Никита Сергеевич заявил на «митинге трудящихся»: «Будет ли это отделение, а скорее всего то, что они создадут, будет Сибирской академией наук, не будем сейчас придумывать название — ведь это не главное». Не исключено, что такая позиция отражала не только благоволение нашего «вождя» к новому научному центру: она вполне вписывалась в его планы кардинального реформирования Академии наук.

Сложно судить, насколько существенное место в стратегических замыслах М.А. Лаврентьева занимала идея повышения статуса сибирской академической структуры. Логично предположить, что это не рассматривалось им в качестве главной организационной новации. Не менее вероятно, что изменение организационной структуры «Большой Академии», не являлось главным среди проблем научно-образовательного комплекса. Большее значение придавалось оптимизации взаимоотношений основных сегментов отечественной науки (академической, вузовской и отраслевой) и всего научно-образовательного комплекса.

В период становления СО АН М.А. Лаврентьев неоднократно формулировал фундаментальные новаторские идеи о взаимоотношениях двух этих ключевых сегментов научно-образовательного комплекса — академического и вузовского. Своего рода «манифестом реформирования» явилась статья М.А. Лаврентьева «Молодые — дорога в науку!», опубликованная 18 октября 1960 г. в главном печатном органе КПСС — газете «Правда». В ней в частности подчеркивалось: «В виде опыта, на наш взгляд, целесообразно было бы передать Академии наук некоторые университеты».

следует иметь в виду его особые отношения с высшим руководством. Хорошо известно, что осуществление грандиозного проекта — создание Города науки в Сибири стало возможным лишь в результате поддержки Н.С. Хрущёва. С известной долей условности можно сказать, что М.А. Лаврентьев был его фаворитом, причём к концу хрущёвского правления рейтинг сибирского президента достиг максимума.

Однако эта относительная близость к высшей власти имела свою оборотную сторону даже в самые благоприятные годы их альянса. Напомним, что в 1959 г. Н.С. Хрущёв обрушился с резкими нападками на М.А. Лаврентьева за поддержку «вейсманистов-морганистов», принудил его снять чл.-корр. Н.П. Дубинина с поста директора Института цитологии и генетики, при этом угрожал сместить и самого Лаврентьева.

Оценивая отношение М.А. Лаврентьева к реформированию Академии наук, следует подчеркнуть, что само по себе создание Сибирского отделения АН СССР явилось крупнейшей реформаторской акцией. Ведь в предшествующие годы в Академии наук не было ничего подобного, все её отделения носили отраслевой характер. Радикализм этих новшеств становится ещё более впечатляющим в контексте первоначальных планов организации научного центра в Сибири.

Как известно, исходной вехой на пути создания нового научного центра стала записка академиком М.А. Лаврентьева и С.А. Христиановича в ЦК КПСС от 8 декабря 1956 г. В ней предлагалось «образовать в Сибири Академию наук Российской Федерации».

В связи с этим следует подчеркнуть, что идея создания такого рода академии была не только вопросом научно-организацион-

Видимо, в названной статье были затронуты принципиальные вопросы развития научно-образовательного комплекса, далеко выходящие за рамки проблем НГУ и СО АН. 8 февраля 1961 г. та же газета отмечала, что статья М.А. Лаврентьева вызвала «широкий отклик». В названном номере указанной газеты была помещена также статья ректора ЛГУ академика А.Д. Александрова «Основное звено — высшая школа», который не только поддержал идею М.А. Лаврентьева о передаче университетов Академии наук, но и высказался о целесообразности объединения научных учреждений и вузов в «учебно-научные центры». По его оценке, «известное осуществление этого можно видеть в тесной связи Новосибирского университета с СО АН СССР».

Позднее, 18 ноября 1962 г. газета «Известия» опубликовала статью М.А. Лаврентьева «Кадры — большой науке!», где еще раз формулировалось предложение «о передаче Академии наук университетов из Москвы, Ленинграда и Новосибирска».

Как известно, все эти проекты полной интеграции университетов и Академии наук, в т.ч. НГУ и СО АН, не получили поддержки властных структур. Оценивая эту ситуацию в более широком историческом контексте, правмерно, помимо прочего, выдвинуть два предположения. Во-первых, игнорирование предложений М.А. Лаврентьева об интеграции университетов с Академией наук означало еще один «утраченный шанс» в развитии отечественного научно-образовательного комплекса. Представляется, что такая интеграция, будь она в свое время осуществлена, облегчила бы современное реформирование РАН.

Во-вторых, отмеченные предложения М.А. Лаврентьева правмерно оценивать как своеобразную форму противостояния хрущевскому волюнтаризму, хотя сам их автор, возможно, и не придавал им такого значения. В самом деле, реализация обозначенных идей о «научно-учебных центрах» способствовала бы упрочению позиций Академии, в то время как Н.С. Хрущев стремился к ее ослаблению.

Наиболее благоприятные условия для реализации реформаторских идей М.А. Лаврентьева сформировались в конце «оттепели», — в том числе и потому, что в это время рейтинг М.А. Лаврентьева, его влияние на высшее руководство достигли максимума. Этому способствовало успешное конструирование СО АН, превращение новосибирского Академгородка в один из наиболее впечатляющих символов наших успехов.

Эта особая, можно сказать, беспрецедентная роль М.А. Лаврентьева ярко прослеживается, например, по опубликованному материалу заседания Президиума ЦК КПСС 23 декабря 1963 г. Там обсуждался ряд важных вопросов, в т.ч. о государственном плане развития народного хозяйства на 1964—1965 гг., о химической промышленности, о реформе среднего образования. В связи с этим М.А. Лаврентьев озвучил свой план реформирования общеобразовательной школы. Характерно, что в ходе заседания Н.С. Хрущев постоянно обращался к присутствующему там М.А. Лаврентьеву, который, как известно, являлся лишь кандидатом в члены ЦК КПСС.

Наиболее ярким выражением этого особого положения М.А. Лаврентьева в «позднотепельной» властной иерархии стало создание в феврале 1963 г. Совета по науке при Совете Министров СССР. Инициатором этой новости стал М.А. Лаврентьев, который и возглавил новую структуру. Благодаря вулканической энергии Михаила Алексеевича за недолгий срок своего существования эта организация стала весьма активной, причём полномочия Совета порой далеко выходили за рамки научно-организационных проблем. В частности, как говорится в мемуарах М.А. Лаврентьева, им был поднят вопрос «об экономической неложности сложившейся системы планирования».

Не менее характерна в этом плане роль М.А. Лаврентьева в подготовке очередного хрущевского проекта по реформированию научно-образовательной сферы. В апреле 1963 г. Н.С. Хрущев представил по этому поводу обширную записку в Президиум ЦК КПСС. Наряду с различными общими пожеланиями об улучшении руководства наукой там содержались весьма радикальные предложения о преобразовании системы подготовки и защиты диссертаций, а также изменении системы оплаты труда научных работников (отмена платы за степени и звания). Этот документ был направлен в четыре адреса: президенту АН СССР М.В. Келдышу, заместителю председателя Совета Министров СССР Н.К. Рудневу, президенту АН Украины Б.Е. Патону и М.А. Лаврентьеву. Им было предложено «обстоятельно все изучить» и представить свои замечания через две-три недели.



Текст замечаний М.А. Лаврентьева опубликован в книге «Век Лаврентьева». Михаил Алексеевич наиболее подробно остановился на вопросах подготовки научной молодежи, высказываясь за более раннюю специализацию в обучении, в частности, за создание специальных математических школ-интернатов, за отмену преподавания иностранных языков, «методологию, педагогику» на естественных факультетах, за расширение научной работы в вузах путем привлечения ученых из академических и отраслевых институтов. Кроме того он предложил за выпуск неграмотных учеников закрыть Академию педагогических наук. В то же время он не поддержал идеи сколько-нибудь существенной ломки существующей системы степеней и званий, но предложил усилить требования к диссертациям, упростив процедуру их защиты.

В июне 1963 г. секретари ЦК КПСС П.Н. Демичев и Л.Ф. Ильичев представили Н.С. Хрущеву отредактированный текст его записки с учётом замечаний четырёх именных рецензентов. Были отмечены предложения, которые «нецелесообразно включать в записку», в т.ч. «предложения Л. Лаврентьева М.А. по вопросам работы средней школы, о закрытии Академии педагогических наук, нецелесообразности изучения иностранных языков в вузах».

Вместе с тем, отредактированный вариант хрущевской записки ещё раз подтвердил беспорный рейтинг М.А. Лаврентьева как «тайного советника вождя». Рассматривая важнейший резерв развития науки — систему более активного отбора способной молодежи, Н.С. Хрущев в качестве единственного позитивного примера отметил опыт СО АН. Однако бросается в глаза, что в рассматриваемом хрущевском тексте не нашло отражения идея М.А. Лаврентьева о повсеместном создании специальных физикоматематических школ-интернатов («Ломоносовских училищ») с приравниванием их по материально-техническому обеспечению к суворовским училищам.

Понятно, что в таком суперфициальном тексте М.А. Лаврентьев не мог высказывать свои «заветные мысли». Как представляется, о его стратегических замыслах в конце «оттепели» можно судить по одному документу, находящемуся в Научном архиве СО РАН. Он атрибутирован как «выступление М.А. Лаврентьева на июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г». Возможно, президент «сибирской Академии» действительно предполагал выступить на этом пленуме, который был посвящён «очередным задачам идеологической работы». Однако на нём из числа представителей научно-образовательного сообщества такая возможность была предоставлена лишь президенту АН СССР М.В. Келдышу и министру высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елутину. Весьма характерно, что в их речах отсутствовали какие бы то ни было серьёзные реформистские предложения.

В рассматриваемом тексте, который, возможно, был проектом выступления М.А. Лаврентьева на июньском пленуме, в частности отмечалось: «Сейчас является фактом, что большая наука есть в академиях наук и в промышленности, и также факт, что в подготовке научных кадров должны ведущую роль занимать учёные, делающие науку сегодняшнего дня. Это ясно всем, но нет единой точки зрения о создании большой науки в университетах. Моё глубокое убеждение, что в целом сегодня этот путь не реален. Главным здесь, я считаю, является непосредственное привлечение учёных к преподаванию без изъятия их из НИИ, Лозунг «При каждом университете комплекс НИИ» должен быть заменён лозунгами: «При каждом комплексе НИИ свой университет» и «Каждый учёный должен быть и учителем».

Кардинальные изменения в ситуации происходят после отставки Н.С. Хрущёва. Здесь имели место два взаимосвязанных процесса. Общественно-исторический контекст определялся нарастающим консервативно-охранительным, «застойным» течением. Применительно к СО АН это усугублялось тем, что М.А. Лаврентьев лишился своего главного покровителя. В последующее десятилетие вплоть до отставки М.А. Лаврентьева (1975 г.) политика правящих кругов по отношению к СО АН характеризовалась, по меньшей мере, отсутствием прежнего внимания, а нередко пренебрежением и даже негативизмом.

Весьма рельефно это проявилось в чрезвычайной оперативности, с которой была проведена ликвидация лаврентьевского Совета по науке, — это стало одной из первых акций нового руководства. При этом весьма показательны, что в попытках отстоять своё детище М.А. Лаврентьев прибег к аргументам не только прагматического, но и более общего характера, придавая этому вопросу определённое политическое измерение.

19 октября 1964 г. он направил первому заместителю председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинову обширную докладную записку с обоснованием целесообразности продолжения работы Совета по науке. Она завершалась следующей симптоматичной фразой: «За сравнительно небольшой период времени с момента создания Совета по науке накоплен положительный опыт, свидетельствующий о том, что работа Совета является одной из новых форм дальнейшего укрепления демократических основ и общественного начала в развитии науки, техники и экономики, предусмотренных Программой КПСС».

Однако в «верхах» по этому поводу уже сложилась иная и, видимо, совершенно непреклонная позиция: 27 ноября 1964 г. Совет Министров СССР своим постановлением упразднил Совет по науке. В этом чрезвычайно лаконичном документе отсутствовала какая бы то ни было аргументация данного решения. Однако о мотивах или во всяком случае об официальной версии соответствующих «групп давления» можно судить по письму, направленному 11 ноября 1964 г. председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. Оно было подписано Д.Ф. Устиновым, К.Н. Рудневым и М.В. Келдышем. В указанном документе утверждалось: «Совет дублирует функции, выполняемые государственным комитетом по координации научно-исследовательских работ, Президиумом Академии наук СССР», «отвлекает учёных, работающих в составе Совета и привлекаемых для подготовки материалов для него, от их основной деятельности».

В новой ситуации скепсис М.А. Лаврентьева в отношении Академии наук получил новый импульс. Все новые факты говорили о том, «антисоановскую» политику проводят не только правящие круги страны, но и руководство АН СССР. Наиболее ярким проявлением этого стало создание в 1969 г. Дальневосточного научного центра АН. Известно, что Сибирское отделение АН предпринимало большие усилия по укреплению своих позиций на Дальнем Востоке и во второй половине 1960-х гг. направило на развитие науки в этом регионе значительную часть имеющихся у него средств. Поэтому шоком для М.А. Лаврентьева стало принятое в январе 1969 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании в РСФСР четырех научных центров, в т.ч. на Дальнем Востоке, с прямым подчинением Академии наук.

М.А. Лаврентьев предпринял отчаянные

усилия, чтобы изменить ситуацию, в том числе провёл переговоры с М.В. Келдышем. Их итог он резюмировал следующим образом: «Я не хочу отдавать, Келдыш хочет взять». Однако все эти усилия не принесли результата: в августе 1969 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании Дальневосточного научного центра АН СССР. В результате Сибирское отделение понесло значительный урон, в т.ч. лишилось 16 % научных сотрудников. Разумеется, названные решения были приняты на самом высшем уровне, однако роль «большой Академии» в данной ситуации выглядела весьма одиозной.

Видимо, в этой обстановке создателя Сибирского отделения вновь посещают мысли о придании этому научному центру более независимого статуса, — вспоминаются прежние планы «сибиряков». Показательно в этом плане высказывания М.А. Лаврентьева на заседании Президиума СО АН в январе 1975 г. Стенограмма этого заседания никогда не публиковалась и находится в НАСО. Напомним, что это был последний год пребывания Михаила Алексеевича во главе Сибирского отделения, и в то время против него уже развернулся настоящий поход. Неудивительно, что в эти последние месяцы М.А. Лаврентьев неоднократно высказывался о путях упрочения позиций СО АН.

На упомянутом заседании М.А. Лаврентьев информировал о своей поездке в Томский научный центр, беседах с его сотрудниками. Видимо, в ходе этих встреч обсуждался вопрос о перспективе Академии наук и её Сибирского отделения. М.А. Лаврентьев так представил настроения томских учёных: «Там выдвигалась даже следующая идея: из нашего названия исключить букву О и называть нас Сибирской академией наук. Для начала попросить удвоить количество академиков и членов-корреспондентов. Сейчас это может пройти, потому что настроения Большой академии не одобряются и не поддерживаются. Меня просили приехать и обсудить этот вопрос».

Поддержка такого рода предложения, М.А. Лаврентьев по этому поводу сказал на этом заседании: «Надо добиваться именно этого: Сибирь — это не Грузия и Армения. Надо пробовать». Видимо, президент СО АН рассчитывал, что повышение статуса сибирского научного центра позволит увеличить финансирование и соответственно укрепить кадровый потенциал: «Зарплата чтобы была такая, как в Большой академии. Надо иметь такую дотацию по званиям, какую имеют москвичи. Иначе мы будем терять людей. Сейчас в Москве 20 вакантных кафедр по математике, преподают кандидаты наук. Я говорю о других университетах, где на весь университет один математик-кандидат. Открыли университетов много, а учёных нет».

Томичи сильно поддержали эту идею: при выборах определённое количество мест, 20—25 %, предоставлять крупным строителям, инженерам, директорам. Словом, на уровне тех, которые проходят в союзную академию, там сейчас такие: отраслевые институты, КБ и заводы — Туполев, Яковлев и другие, они академики или члены-корреспонденты, словом, творческие работники, делающие технику сегодняшнего дня. Здесь двойная польза могла бы быть для нас. Не секрет, что в внедрении научных исследований в технику трудности очень большие».

Разумеется, высказывания такого рода, критические суждения М.А. Лаврентьева в адрес Академии наук необходимо рассматривать в соответствующем контексте. Ясно, что консерватизм «Большой академии» был лишь одной из многих проблем. Не менее острой критику Михаил Алексеевич адресовал министерской бюрократии.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что М.А. Лаврентьев был одним из немногих, а быть может, и единственным государственным деятелем «позднесоветского» периода, который сформулировал стратегию реформирования отечественного научно-образовательного комплекса. Идеи и предложения Михаила Алексеевича затрагивали все его компоненты от средней школы до Академии наук. Их значимость выходила далеко за рамки научно-образовательной сферы. В сущности, это был вариант эволюционной трансформации нашего общества в соответствии с требованиями времени. В таком качестве эти планы противостояли как консервативно-застойным, так и нигилистически-разрушительным процессам. Сейчас становится особенно ясно, что М.А. Лаврентьев был не только выдающимся учёным и организатором науки, создателем Сибирского отделения Академии наук. Нам ещё предстоит в полной мере оценить его роль как государственного деятеля, патриота России.

И.С. Кузнецов, д.и.н., профессор НГУ  
Фото Р.Ахмерова